

То, что последовало за провозглашением Сайласа, было насилием. Чистое, сырое, необработанное, первобытное насилие, которое не знало ни человечности, ни сочувствия. Это была битва без цивилизованности, без принятия, без терпимости, без высоких идей, которые связывали человечество в свободную группу единомышленников. Сайлас видел только существ, которые должны были умереть, а все остальные видели монстров из их самых страшных кошмаров, оживших, чтобы охотиться на них, как на животных.

Он не стал прибегать к пыткам: сразу же расправившись с восемью фигурами в белых халатах простым ударом по горлу, он начал свою охоту. Сотни кричали в агонии, несколько десятков бросились к нему, в то время как большинство других стали бездумно убегать. Пусть это был культ, связанный с мертвыми, пусть с различными возможностями, но в конце концов все они были обычными людьми. Из обычной плоти и обычных костей. А Сайлас... действительно был чудовищем.

Он резал их как масло, безжалостный в своем бессмысленном, безудержном разрушении всего хорошего. Крики не пугали его, слезы не замедляли его, а его глаза не делали различий между мужчинами и женщинами, молодыми и старыми.

Кровь текла непрерывно, создавая каскадные, мрачные водопады, уходящие за края островов, а тела стали складываться в кротовые норы. Не было ни одного направления, куда можно было бы посмотреть, где бы не валялся труп. Или два. Или десять. Или два. Или десять. Или пятьдесят.

Его зрение было красным, он не думал - он знал, что позволить себе думать может выдернуть его, может перекрасить окружающий мир из ада, который он себе представлял, в то, чем он был на самом деле - просто жестокая, мерзкая и кровавая терапия для просто жестокого, мерзкого и забрызганного кровью монстра.

Даже он начал чувствовать усталость через два часа охоты - к этому времени он убил

большинство из них, как он полагал. Однако отставшие убежали далеко и хорошо спрятались - в конце концов, гора была большой, островов было много, а все ущелья, щели и возможные пещеры, о которых он не знал, делали охоту гораздо более утомительной, чем все остальное. Неизбежно, он решил больше не преследовать их - в этом не было смысла. В конце концов, он вернется.

Вместо этого он решил подняться на вершину горы в надежде найти ответы. Поднимаясь на гору странной формы, он увидел много-много домов, встроенных прямо в скальные пещеры. Большинство из них, по крайней мере в плане интерьера, были похожи на те, что были на острове - очень простые, обычные и однокомнатные. В каждом из них было мало интересного, кроме того, что они рассказывали об обществе, которое жило очень просто и скромно.

Однако чем дальше он поднимался, тем более украшенными становились дома - в конце концов из однокомнатных они превратились в двух- и даже трехкомнатные. Помимо предметов первой необходимости, он также начал находить картины, крошечные скульптуры, книги, журналы и все более искусно сшитую одежду, иногда даже встречались настоящие бальные платья.

В конце концов, он даже встретил полноценную баню, примерно в четырех милях вверх по спиральной дороге вокруг горы. Она была заполнена наполовину, как будто ее оставили на ночь до утра, но так и не использовали. Он и раньше сталкивался с подобными вещами: приготовленный завтрак, который так и не был съеден, выстиранная одежда, которая так и не была постирана, и так далее.

Снял с себя окровавленную, промокшую одежду - ну, по крайней мере, раньше она была промокшей. К этому времени она уже прилипла к его коже, кровь высохла. Он даже содрал ее местами, но не обратил внимания на легкую боль. Он был красным с головы до ног, погрузившись в ванну, он сразу же окрасил прозрачную воду в алый цвет. И все равно ему пришлось оттирать себя ногтями, так как засохшая кровь, казалось, проникла под кожу, изменив ее цвет.

Он нежился в ванне по меньшей мере несколько часов, прислонившись к деревянной ванне, закрыв глаза и погрузившись в дремоту. Он позволил своему разуму блуждать по жизни, прежде чем начал считать поступки, подобные тому, который он совершил, "нормальными". Ну, не нормальными - но приемлемыми в любом качестве. Вдохнув, он встал и посмотрел вниз

на озеро красного цвета - оно не вполне соответствовало количеству крови, пролитой им за прошлую ночь и весь этот день, но все равно внушало ужас.

Вместо того, чтобы надеть свою старую одежду, он достал из дома свежую мантию и накинул ее. Она была довольно удобной и свободной, но при этом удивительно теплой. Неудивительно, что они могут жить в холодных горах, размышлял он, выходя из дома и продолжая подъем.

Вскоре все вокруг затянуло туманом, и горизонт сомкнулся над ним. Было странно тихо, жутко спокойно и неподвижно, как будто этот уголок мира был отрезан от остального и жил в своей собственной, изолированной реальности.

После определенного момента он перестал встречать дома - в горах не было дыр, и даже тропа стала несколько обременительной, совершенно неухоженной, в отличие от той, что была внизу. Он шел вперед, желая увидеть вершину хотя бы ради впечатлений. С пополненными запасами и бодростью, хотя подъем и был несколько трудным, он оказался более чем преодолимым.

Одна нога впереди другой, один шаг за другим, одно воспоминание сопровождало каждый из них. Странно, что, прожив на этом этапе несколько жизней, он остался незатронутым этим, по крайней мере, мысленно. Хотя трудно было судить о его психическом состоянии в этот момент, даже наедине с собой, он все же ожидал какого-то возмездия. Но его не было. Ему не было скучно или он особенно устал от жизни. Он устал от обстоятельств, но это был совсем другой зверь. Казалось, он мог бы прожить еще сотню лет, и его это вполне устраивало. Но с другой стороны, возможно, это просто его разум подстегивает себя в отчаянной попытке сохранить рассудок.

Один промах, он знал, это все, что потребуется. И все же... это не имело значения. Когда перед ним лежит вечность, он может сходить с ума столько раз, сколько потребуется, просто переживая это каждый раз. Все это было так... неважно.

Вскоре из тумана появилось изображение вершины, вырвав его из раздумий. Выйдя на поверхность, он сразу же почувствовал, что мир изменился - атмосфера изменилась, и даже

воздух стал... легче. Туман исчез, открыв взору мир, уходящий в горизонт со всех сторон. Это было плоское плато, около мили в окружности, ничем не примечательное, кроме единственной вещи: человека, сидящего на каменном столе.

Это была фигура в маске, хотя, судя по неровностям серебристо-лунного одеяния, явно женщина. Маска закрывала все лицо, заостряясь к подбородку, и на фарфорово-белой поверхности оставались только отверстия для глаз. Она сидела, скрестив ноги, словно медитируя, лицом к югу, спиной к северу. Когда Сайлас ступил на вершину и толкнулся вперед, ее глаза медленно открылись. Они показались Сайласу знакомыми, хотя отчетливый холод в них Сайлас видел только в зеркале.

Ни один из них не говорил, безэмоционально глядя друг на друга, пока ветер хлестал и выл, волоча их мантии по каркасам. Солнце ушло вдаль, начав опускаться, медленно приглашая одинокую ночь.

"Сорок шесть человек спаслись", - произнесла женщина мягким, мелодичным тоном. "Две тысячи восемьсот пятьдесят пять погибли".

" ... "

"Четыреста из них - дети в возрасте до десяти лет", - добавила она.

" ... "

"Почти тысяча безгрешных женщин", - сказала она.

"..."

"Из тех, кого ты убил, только восемьдесят восемь заслуживали этого в любом качестве, даже в рамках твоей морали".

"А ты?"

"Хм?"

"Заслуживаешь ли ты смерти в моих "рамках морали"?" спросил Сайлас.

"Я понимаю обиду", - проигнорировала она его вопрос. "Я понимаю ярость. Гнев. Я понимаю желание отомстить за то, что случилось в тот день. Я не понимаю... этого".

"Ты была там?" спросил Сайлас.

"... нет", - ответила женщина. "Но я видела ее".

"Ты видела ее один раз", - сказал Сайлас, слабо улыбнувшись. "Я прожил ее снова и снова, снова и снова, снова и снова. Каждая вещь, каждое действие, каждый момент того дня впечатались в самую ткань моего мозга. Я больше не могу вспомнить лицо моей матери, отца или сестры, не могу вспомнить имя или улыбку моей первой любви, ничего из моего детства и большей части моей жизни... но тот день, тот день я могу пересказать тебе лучше, чем сами всемогущие боги. Жизнь за жизнью, я наблюдал, как все рушится. Я видел, как все это

умирало в хищной бодрости. Пока однажды, пока однажды... мы не победили. Мы победили. Мы знали это. В тот единственный момент, в тот единственный вздох, весь замок остановился и посмотрел друг на друга. И мы знали. Мы победили. А потом... эта победа была вырвана из наших лап.

"Ты совершенно права. То, что я сделал с этим местом, выходит за рамки просто гнусной жестокости. Но видишь ли... Я могу это исправить. Все те, кто мертв, оживут. То, что ты сделала... это невозможно исправить. Те, кто умер, уже никогда не оживут. Из-за тебя девушка больше никогда не увидит. Юноша никогда не сможет ходить. И никто никогда не будет прежним после того дня, после тех ужасов. Тебе этого не понять. И не нужно. Просто ответь на мой вопрос: заслуживашь ли ты смерти, как ты выразилась, под "рамками моей морали"?"

"... Я знаю", - ответила она. "В конце концов, это я заключила сделку с мертвыми. Однако из многих грехов, которые ты хочешь приписать мне, один я не совершала - магия, пронесшаяся по двору, рука Бога, была не наших рук дело."

"Я знаю", - сказал он. "Тот, кто способен на такое, не позволил бы мне бесчинствовать в своем доме".

"И тебе все равно?"

"Эта рука... была всего лишь последней крышкой", - сказал он. "И я виню в этом больше себя, чем того, кто ее послал. Но ты... ты специально привела к этому дню. Неоднократно посылая мертвых".

"Если ты действительно можешь отменить все это, как ты говоришь", - сказала она. "Тогда спроси меня, почему, в следующий раз".

"Это не имеет значения".

"Да", - сказала она, доставая нож из своей мантии и прижимая его к горлу. "Десдоры - мерзкий, жестокий и злой род безумных мужчин и женщин. То, что они сделали, и то, какие средства они использовали для достижения своих целей, меркнет по сравнению с моими действиями. Стоя на их стороне... ты становишься дьяволом".

"Тогда я буду дьяволом", - сказал Сайлас.

"... тогда ты будешь дьяволом, но, по крайней мере, таким дьяволом, который будет охранять молодых девушек", - повторила она, перерезав себе горло и вызываясь глядя на него в течение нескольких мгновений, прежде чем упасть на бок, мертвая. В этот момент мир потемнел: солнце опустилось за горизонт, возвещая о наступлении ночи. К потрясению Сайласа, он увидел, что труп женщины увядает с невероятной скоростью, пока ее кожа не стала совсем неузнаваемой. Как будто она перестала стареть восемьдесят лет назад... и смерть резко втянула все эти годы в ее облик.

"Нет", - покачал он головой, с сожалением вздыхая, когда подошел. "Уловка", - пробормотал он, приседая и снимая маску, открывая старое и морщинистое лицо, которое он не узнал ни в каком качестве. Наверное, чтобы скрыть свою личность. "Похоже, она имела в виду Райну... может, это ее хозяйин? Похоже, мне придется задать несколько жестоких вопросов".

Подойдя к краю, он сел и откупорил кувшин с вином, который нашел в одной из комнат, и медленно потягивал его, любясь бескрайними горными просторами, в которых, вероятно, кипела та или иная форма жизни. Это зрелище, даже больше, чем сама петля времени, заставило задуматься о том, насколько он мал и как мало у него возможностей, даже с магией на кончиках пальцев. Он находился в крошечном уголке мира, сражаясь в битвах, от которых он уже не мог опомниться. И все же за границами его крошечного разума существовал огромный мир чудес, жизней и историй, разворачивающихся каждый день. Даже эти горы, как он подозревал, процветали по-своему, в то время как он боролся в другом месте.

В огромном, ни с чем не сравнимом мире, он был подавлен его крошечным участком. И все же для него этот крошечный участок... был миром. Ему не было дела до того, что лежит за океанами или даже за границами королевства. Его не волновало, что хранят эти горы или что нужно миру в целом. Его не волновали ни войны богов, ни чемпионы человечества, ни такие существа, как ворон и лань. По крайней мере, больше нет. Он стал целеустремленным в своем стремлении, и время отвлекаться и сбиваться с пути прошло. Ну, не совсем еще; он вернется на эту гору, возможно, еще дважды или трижды, прежде чем все будет сказано и сделано.

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2064762>